

Виктория Шохина

Наши даты

«БЕЛИНСКИЙ БЫЛ ОСОБЕННО ЛЮБИМ...»

ПОЭТ НЕКРАСОВ может считаться самой крупной в русской литературе добычей и жертвой направления. Направление — выдумка Белинского; в принципе ее можно было бы считать остроумной, не имея она столь долговременных и печальных последствий. Направление пестовали прежде всего критики — этот агрессивный, напористый и амбициозный народец, в силу каких-то загадочных причин игравший в русской жизни роль много большую, чем заслуживал. Критики «с направлением» были своего рода фюрерами, гипнотически воздействовавшими как на толпу, так и на поэтов, увя. Некрасов стократ превосходил талантом и умом того, кого он с благоговением называл своим учителем. Но так случилось, что Некрасов был начинающим автором, а Белинский, «первый критик России» (как он любил себя называть), заметил его, взял под опеку и с удовольствием начал воспитывать: «— Да-с, господи! Литература обязана знакомить читателей со всеми сторонами нашей общественной жизни».

Направление было тогда тем, чем стала партийность в советское время. Хочешь — не хочешь, а держись... Надо признать, однако, что в случае Некрасова направление, помноженное на природную мизантропию, давало иногда эффект большой художественной силы. Вспомним, сколь впечатляюще описывал поэт упадок родового гнезда в мрачных тяжелых ямбах «Родины» (1846):

И вот они опять, знакомые места,
Где жизнь отцов моих,
бесплодна и пуста,
Текла среди пиров,
бессмысленного чванства,
Разврата грязного и мелкого
тиранства...

Чернышевского Дружинин), оно бы воспринималось как манифест «чистой эстетики». Но в журналистике контекст — великая вещь!

То же можно сказать и о «Рыцаре на час» (1862): пусть читатель сам разберется, коли будет охота, к кому обращается поэт с просьбой вести его «от ликующих, праздно болтающих, обгадяющих руки в крови» и куда вести. Мы же отметим имеющееся здесь удивительное описание ночи:

Даль глубоко прозрачна, чиста,
Месяц полный львет
над дубровой,
И господствуют в небе цвета
Голубой, беловатый, лиловый.

Какова гамма! — даже Чернышевский прочитал и разрыдался. Бывали на Руси времена, когда из хождения к проституткам можно было извлечь добротный гражданский пафос. Было модно жениться на падших и покупать им швейные машинки. Чистый и наивный Решетников пришел однажды к Салтыкову просить о помощи в публикации своей повести. «Есть ли у вас семья? — спросил Салтыков. — Детей нет, а только жена. — Чем же она занимается? — Она — публичная женщина, — отвечал Решетников хриплым от пьянства голосом...» В публичных домах, впрочем, не живет, у нее своя квартира («...»). Вот характернейшая черточка нарождающейся культуры разночинцев, с их прямолинейностью и со стремлением хоть кого возвысить до себя (предполагающим, что сами они уже стоят достаточно высоко).

Не таков Некрасов, барин, ерник и искушенный бабник. Но он точно попадает в модную тему (как, впрочем, и Достоевский) и вышибает слезу у доверчивого читателя:

Когда из мрака заблужденья
Горьким словом убежденья
Я душу падную извлек
И вся, полна глубокой муки,
Ты прожала, ломая руки,
Тебя окутавший порок...

Как говорил Блок, «эпоха ставляла иногда быть sentimentalней, чем был Некрасов на самом деле».

Независимая газ. — 1996. — 19 дек. — С. 7

ЭСТЕТИЧЕСКИЙ КОНТРАБАНДИСТ

В связи со 175-летием Николая Некрасова

В 1871 году поэт признавался: «Это было несправедливо, вытекало из юношеского сознания, что отец мой крепостник, а я либеральный поэт...» В поздних стихах он уже не мог сказать: «С отрадой вижу я, что срублен темный бор...» Он говорил: «Вершины лип таинственно шумят. Я их люблю...» («Мать», 1877).

Именно направление побудило Некрасова взять в «Современник» Чернышевского, Добролюбова и прочую разночинную братию. Решив, что Некрасов имеет слишком большой доход, группа сотрудников как-то отплатилась проверять бухгалтерские счета «Современника». «Никто не подумал о том, что должен был передумать и переувеселиться этот человек (Некрасов. — В.Ш.) во время этой ревизии. Ведь подобная ревизия равносильна объявлению редактора если не доказанным, то подозреваемым вором», — с сожалением вспоминал Григорий Елисеев. Не прощали они своему редактору и компромиссов: «Наша честность желала, чтобы Некрасов явился подвижником первых времен христианства». А он, что характерно, все это терпел!

ПОЭТ, ГРАЖДАНИН, РЫЦАРЬ НА ЧАС

Печальнейшая участь постигла стихотворение «Поэт и гражданин» (1856): оно было истрепано в цитатах и мало кем понято. На самом деле это не декларация, а пьеса на два равноправных голоса — Гражданина с «направлением» (списанным у Белинского) и ослабленного эстетствующего поэта. Бодрый, но дубоватый Гражданин призывает: «Ты только временно уснул, проснись, громи пороки смело...» Поэт вместо ответа подсовывает ему томик Пушкина, на что Гражданин замечает: «Но признаюсь, твои стихи живею к сердцу принимаю». «Так я, поэтское, великий, превыше Пушкина поэт?» — с усмешкой спрашивает Поэт. Гражданин бойко и основательно объясняет: «Твои поэмы бестолковы, твои элегии не новы, сатиры чужды красоте, небагородны и обидны, твой стих тягуч». Его долгая пафосная речь включает в себя и эти чеканные и страшные, как дело Нецаева, строки:

Иди в огонь за честь отчизны,
За убежденье, за любовь...
Иди и гини безупречно.
Умрешь недаром; дело прочно,
Когда под ним струится кровь...

Однако Поэт лишь лениво замечает: «Ты кончи? Чуть я не уснул». Гражданин объявляет: «Поэтом можешь ты не быть, но гражданином быть обязан». По сути, это означает: пусть будут «поэмы бестолковы», «элегии не новы», «стих тягуч» — направление все шибает! «Некрасов был тонкого обоняния редактор, эстетик, каких мало, — свидетельствует Павел Ковалевский. <...> эстетическую контрабанду он один умел проносить в журнал через такие таможенные заставы, какие воздвигнуты были отрицанием искусства, — в то время, когда <...> «рукописи с направлением» стояли ему поперек горла. Ныче, — жалуется он, — разве ленивый пишет без направления, а вот чтобы с дарованием, так не слышать что-то».

Появился «Поэт и гражданин» не в «Современнике» (куда пришел Чернышевский), а, допустим, в «Библиотеке для чтения» (куда перешел из «Современника» из-за

На самом деле мелодрамы Некрасова несли в себе фарсовый заряд — он так любил пародии! Вот сюжет «Еду ли ночью по улице темной» (1847). Некий барин, сядя в карете ли, в теплом ли доме, вспоминает о своей любовнице. Жили они с ней холодно и голодно. «Вдоволь поплакал и умер ребенок». «Бедная! Слез безрассудных не лей», — увещевает герой, обещая, что «с горя да с голоду завтра мы оба также глубоко и сладко заснем». Герой, правда, засыпает сном обычным, а бедная женщина, помявшись, идет на панель и через час приносит «гробик ребенку и ужин отцу» — что восхитительно, но к гражданской скорби никакого отношения не имеет. Столь же хороша концовка:

Кто защитит тебя? Все без изъятья
Именем страшным тебя
назовут.
Только во мне шевельнутся
проклятья —
и бесполезно замрут...

— и тут гитарный перебор резко обрывается.

Кружок Белинского пришел в восторг от обличения; цензура сочла стихи безнравственными: «Нельзя без содрогания и отвращения читать этой ужасной повести!».

В «Тройке» (1846) красавица крестьянка подвергается прямо-таки изощренному садизму со стороны автора. Сначала он предлагает один вариант ее судьбы: «Поживешь и поспрадишь вволю. Будет жизнь и полна, и легка». Потом резкий поворот — тягостное замужество, бессмысленная жизнь. Из чего следует, что данной красавице не стоит попусту предаваться мечтам. Все это выражено замечательным — напевным, с надрывом — трехстопным анапестом:

Не нагнать тебе бешеной
тройки:
Кони крепки и сыты и бойки, —
И ямщик под хмельком,
и к другой

Мчится вихрем корнет молодой.
Нетрудно заметить, что многие наши любимые блатные песни-баллады удивительно подходят на лучшие некрасовские стихи.

КАЛАМБУР НА КЛАДБИЩЕ

Вначале, допустим, Некрасов наследовал «мировой скорби» романтиков. Но слишком разителен контраст между поэтическими мертвяками Жуковского и живописными трупами Некрасова, от которых веет порой духом анастимки.

Прелестный «Гробок» (1850):
Вот идет солдат. Под мышкою
Детский гроб несет,
детинушка.

Что за солдат, откуда взялся — непонятно. (Возможно, из пушкинского «Без шапки он; несет под мышкой гроб ребенка...») Отец Некрасова был какое-то время уездным исправником, и 16-летний юноша присутствовал «при различных сценах народной жизни, при следствиях, при вскрытиях трупов, а иногда и при расправах во вкусе прежнего времени», сообщает М.М. Стасюлевич, один из первых биографов поэта. Но дело не только в этом, а может быть, и совсем не в этом. Его способность извлекать из любого сюжета могильный мрак поистине удивительна. Цикл «О погоде» (1859; 1865) открывается разудалым эпиграфом из лакейской песни: «Что за славная столица, раз-

веселый Петербург!» Поэт сардонически усмехнулся — и на читателя напористо пошел анапест: Начинается день

безобразный —

Мутный, ветренный, темный

и грязный...
Желая развеяться, выходит поэт на улицу и кстаи встречается похоронную процессию.

Я недаром на улице вышел:
Я хандру разогнал и смешной

Каламбур на кладбище услышал,
Подготовленный жизнью

самой...
А вот веселые крещенские морозы, когда «всевозможные тифы, горячки, воспаленья и цуги чередом, мрут, как мухи, извозчики, прачки, мерзнут дети на ложе своем». Поэт вроде спохватывается: «У русской столицы, кроме мрачной Невы и темницы, есть довольно и светлых картинок». И — рассказывает, как два франта снимают на Невском девушек; компания весело мчит куда-то в санях. Куда? Огляделись: безлюдно и тихо, Звезды с ясного неба горят!.. «Мы сегодня потешились

лихо!» —

Франты в клубе гремят

говорят.
Оказывается, бедных проституткам завезли на кладбище — и бросили... Так и Некрасов поступает со своим читателем: завезет под предлогом направления в неизвестную даль — и бросит. А там вместо гражданской скорби — веселое кладбище! Считалось, будто сама жизнь подсказывала ему сюжеты, и это называли реализмом.

...Как утренняя зарядка, начинается «Железная дорога» (1864): «Славная осень! Здоровый, ядреный воздух усталые силы бодрит...» Но гремят «косточки русских», толпа мертвецов пляшет и радуется: «В эту ночь лунную лобом нам видеть свой труп!» — и прочая потусторонность. Конец поэмы звучит издевательски: «Кажется, трудно отрадней картину нарисовать, генерал?». Смерть казалась ему смешной — как могильщикам в «Гамлете».

В 1856 году Некрасов писал другу-Тургеневу из Рима: «По наклонности к хандре и романтизму иногда раздражаюсь здесь от бес-

численных памятников человеческого безумия... Под этим впечатлением забрался я третьего дня на купол Св.Петра и плюнул оттуда на свет Божий — это очень пошлый фарс! — посмейся. Во мне мало здоровой крови».

ЛИЧНАЯ ЖИЗНЬ

«Как вы относитесь к распространенному мнению, будто Некрасов был человек порочный и безнравственный?» — спрашивал Чуковский в «Анкете поэтам». «Ценю в его безнравственности лишнее доказательство его сильного темперамента», — надменно отвечал Гумилев. На наш же взгляд, мнение о безнравственности родилось из контраста: публичке хотелось, чтобы певец гражданской скорби жил схимником и закусывал акридами.

Некрасов имел достаточно денег, чтобы хорошо одеваться, держать приличный дом, лошадей, собак и т.д. Но не только: он заботился, чтобы сотрудники «Современника» получали приличные гонорары, мог дать деньги впервые увиденному литератору — без всякой просьбы.

После выстрела Каракозова в апреле 1866 года «Современник» оказался под угрозой закрытия. Некрасов, проявляя «зменяющую мудрость», подсылал адреса царю, а 16 апреля прочитал в Английском клубе мадригал в честь Муравьева-вешателя, как его ласково называли в народе. Граф снисходительно выслушал поэта и отвернулся. Тотчас из Лондона донесли ехидное герценовское: «Ха-ха-ха». Появились эпиграммы — такие Некрасов и сам бы мог написать при другом случае. Тургенев обозвал бывшего друга «официальным поэтом Английского клуба». Словом, шла обычная русская литературная жизнь. «Не торговая я лирой, но бывало, когда грозил неумолимый рок, у лиры звук неверный исторгала моя рука...» А «Современник» все равно закрыли!

За годы редакторства («Современник», 1847—1866; «Отечественные записки», 1868—1875) Некрасов много чего делал из того, что способствует у нас развитию свободной мысли: давал взятки; пригласил высоких чиновников играть с ним в паре, что значило крупный выигрыш; устраивал для нужных людей роскошные обеды. «Прикармливаем зверя... приставил ходить за нами», — объяснил он молодому литератору, с изумлением наблюдающему, как в доме Некрасова привагают цензора Фуска.

Он был игрок, «головорез карточного стола», по изычному выражению Тургенева. «Видите ли, я играю в карты; веду большую игру. В коммерческие игры я играю

очень хорошо, так что вообще остаюсь в выигрыше», — с симпатичной откровенностью сообщил поэт Чернышевскому в первую же встречу.

Как-то один старый провинциальный писатель приехал в Петербург, специально чтобы пообщаться со столичными литераторами. Пообщался — и заплакал. Он, на беду свою, попал на вечер «чернокожи», где Дружинин и Григорович, Некрасов и Лонгинов (который: «Пишу стихи я не для дам...») упражнялись в сочинении порнографических этюдов. Секс, по-видимому, казался Некрасову столь же смешным, как и смерть.

Почти всю жизнь он прожил холостяком, пользуясь притом большим успехом у женщин. Была Селина Лафрен, актриса-француженка, — он завещал ей 10,5 тысячи. Была какая-то ярославская вдова. Были породистые крестьянки, «широкие и плотные», были, разумеется, и «пашище души». Самая долгая его связь — 16 лет! — с inferнальной красавицей Авдотьей Панаевой, жизнь втроем (Некрасов, Панаев и Панаева) не могла не вызвать пересудов. А потом в дом на Литерной еще въехал Добролюбов... Зато Авдотье Яковлевне русская литература обязана изумительным «панаевским циклом»: «Я не люблю иронии твоей» (1850), «Мы с тобой бестолковые люди» (1851) и т.д.

ПОСЛЕДНИЕ ПЕСНИ

Какие-то вещи Некрасов позволял себе, только с отчетливостью увидев последнюю черту. Вопреки давлению родни он 4 апреля 1877 года венчается со своей последней пассией. С трудом уговорили священника совершить обряд на дому, раскинули в квартире церковно-палатку. Жених был уже настолько болен, что не мог сделать и шагу: его буквально протаскивали вокруг аналоя, босого, в белой рубахе, — картина с очевидным привкусом того черного юмора, который ценил поэт.

Познакомились они в 1870 году, когда Фекле Анисимовна было 19, Некрасову — 48. Она была девушкой из простых — сказалась тяга

помещика к породистой крестьянке. Конечно, пошла сплетни, по-написанному: «Когда из мрака заблужденья... я душу падную извлек». Однако на самом деле Некрасов увел ее от «какого-то купца Лыткина». Простонародное имя резало дворянский слух, и Некрасов спокойно переименовал девушку в Зинаиду Николаевну. Будучи ироником, посвятил ей поэму «Дедушка» (1870) — намек на разницу в возрасте.

На смертном одре Некрасов пишет дитя, названный по старой привычке к маскировке «Подражание Шиллеру». Это и есть его эстетическое кредо — «в мире все темы прекрасны», «в первом наитии сила».

Форме дай щедрую дань
Временем: важен в поэме
Стиль, отвечающий теме.
Стих, как монета, чекан
Строго, отчетливо, честно
Правилу следуя упорно:
Чтобы словам было тесно,
Мыслям — просторно...

ХОЛОДНО, СТРАННИЧЕК...

И завывает ветер, закручиваясь в кладбищенском полумраке в спирали: «Холодно, странничек, холодно, родименький, холодно!» — едва ли что-нибудь лучше передает русскую тоску и русское одиночество.

Похороны Некрасова (30 декабря 1877 г.) превратили, по обыкновению, в политическую демонстрацию. Венки «Бессмертному певцу народной скорби», «Некрасову — студенту», «От русских женщин». Эсеры из «Земли и воли», с револьверами охраняющие свой венок, — «От социалистов» (кажется, после опевания он потерялся). Плеханов с дурацкой речью: «...не ограничился воспоминанием ножек Терпсихоры». И великий Достоевский: Некрасов «должен прямо стоять за Пушкиным и Лермонтовым». И прервавшие его крики: «Выше, выше байронистов!» Так и похоронили, «Я ласами иду — звери воют в лесах: голодно, странничек, голодно, голодно, родименький, голодно!»

Его по достоинству оценили в Серебряном веке, когда в литературе стали преобладать люди эстетические. В интервью 1913 года Федор Сологуб говорил: «Некрасова, которого русская критика считала «прозаическим, рассудочным», мы впервые оценили, полюбили и заставили полюбить. Мы принимаем Некрасова всего, с его формой, с его бесстрашием перед темой». Блок и Белый, Гумилев и Ахматова любили его. И стих, прогнанный Ходасевичем «сквозь прозу», тоже имеет отношение к Некрасову. Сюда же и замечание Набокова о «ритмической экспансии широкого рокошующего некрасовского стиха»...

...А еще он был охотник и очень любил собак. В письмах из-за границы неизменно осведомлялся «о житье-бытье всеобъемнейшего нашего Каго», любимого черного пойнтера. Случилось так, что Зина нечаянно на охоте подстрелила пса. «Нисколько на тебя не сердюсь», — сказал, по свидетельству одного крестьянина, Некрасов, — но дай свободу тоске моей, я сегодня лучшего друга лишился». Говорят, и сейчас в Чудовской Луке можно видеть вросшую в землю плиту с надписью: «Каго, черный пойнтер, был превосходен на охоте, незаменимый друг дома. Родился 15 июня 1868 г., убит случайно на охоте 2 мая 1875 г.» Все.